

Чагинская Елена Алексеевна

[К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ВАЛИДНОСТИ ТЕРМИНА: ВЗГЛЯД НА "КАРТИНУ МИРА"](#)

В публикациях по лингвистике, педагогике и широкой проблематике межкультурной коммуникации термин "картина мира" употребляется сегодня очень часто и, по мнению автора статьи, не всегда удачно. Проблема связана с тем, что любой термин возникает в конкретном социально-историческом контексте, при этом "автор" термина может представлять лишь одно из направлений развития научной мысли. Даже если термин, вошедший в научный обиход, представляется удачным для описания реалий, свойственных одному времени и месту, возможность применения его к реалиям другого времени и места нуждается в доказательстве. Автоматизм или априорность в применении термина может повлечь за собой искажённое представление о предмете исследования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2009/1/55.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (3). С. 210-213. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2009/1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

IMAGES IN THE NAMES OF WEAK INTELLECTUAL STATE IN ENGLISH AND FRENCH LANGUAGES (ON THE BASIS OF POLY-LEXEME NOMINATIONS)

Тсепунова О. А.

*Department of English Philology and Technique of English Language Teaching
Orenburg State University
olga_oren@inbox.ru*

Abstract. The basic images of the poly-lexeme nominations of weak intellectual state in the English and French languages are considered, the models of their classification are revealed in the article. Basic attention is given to the comparison of the names of mind in the compared languages.

Key words and phrases: poly-lexeme nominations of weak intellectual state; models of classification; names of mind; English and French languages.

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ВАЛИДНОСТИ ТЕРМИНА: ВЗГЛЯД НА «КАРТИНУ МИРА»

Чагинская Е. А.

*Кафедра теории словесности
Московский государственный лингвистический университет
melemma@inbox.ru*

Аннотация. В публикациях по лингвистике, педагогике и широкой проблематике межкультурной коммуникации термин «картина мира» употребляется сегодня очень часто и, по мнению автора статьи, не всегда удачно. Проблема связана с тем, что любой термин возникает в конкретном социально-историческом контексте, при этом «автор» термина может представлять лишь одно из направлений развития научной мысли. Даже если термин, вошедший в научный обиход, представляется удачным для описания реалий, свойственных одному времени и месту, возможность применения его к реалиям другого времени и места нуждается в доказательстве. Автоматизм или априорность в применении термина может повлечь за собой искажённое представление о предмете исследования.

Ключевые слова и фразы: термин «картина мира»; социально-исторический контекст; направление развития научной мысли; применение термина.

Воззрения на слово (языка и метаязыка) не в последнюю очередь зависят от личностных особенностей исследователя, который вносит в свою работу драгоценное зерно субъективности - неповторимо-индивидуальное своеобразие видения проблемы, которое расширяет поле зрения человечества в целом. Поэтому, хотя и множится количество терминов, хотя они и тяготеют к неудобной полисемии, наука далеко продвинулась в понимании того, как устроен мир. Поэтому же основная трудность состоит не в том, чтобы сориентироваться в разрастающемся лексиконе метаязыка. Она - в том, чтобы суметь по необходимости оставить без непосредственного применения ценный опыт познания, выраженный в том или ином слове метаязыка, в той или иной дефиниции или теории, направив мысль в достаточно узкое русло и отмерив для его прокладки оптимально необходимый набор средств.

Вместе с тем, поскольку в филологии речь, так или иначе, идёт о слове, которое по самой своей природе является не только порождением, но и средством порождения множества разноплановых связей, его изучение возможно только при условии привлечения междисциплинарных понятийных ресурсов и данных смежных наук. *Determinatio est negatio*, определение есть отрицание, - напоминает Ю. М. Лотман. «Научный импрессионизм в употреблении терминов и слишком большая жесткость научного языка, теряющего в силу этого способность описывать противоречия объекта, в равной мере опасны» [Лотман, 2005, с. 117].

Проблема «терминологического оптимума» должна решаться не только исходя из целей описания конкретного языкового объекта, но и с учётом приоритетов, доминирующих в науке как системе знаний. Догадка о том, что с какой бы стороны ни анализировался любой предмет, объектом научного интереса, в конечном счёте, оказывается человек, его культура, история и перспективы, его разнообразные потребности, его разум и внутренний мир, в современной науке формализовалась как утверждение новой парадигмы, которую принято обозначать как антропоцентрическую. Её черты определили как традиционные науки (в том числе лингвистика, семантика, семиотика, переводоведение и др.), так и новые, носящие «сугубо интеграционный характер» [Красных, 2005, с. 61]: лингвокультурология, психолингвистика, этнопсихолингвистика и т.д. В русле новой парадигмы лексикография в последние годы обогатилась созданием словарей нового типа с большим эвристическим потенциалом. И всё чаще мы прибегаем к термину «картина мира».

Слово «картина» представляется удачной метафорой того обобщённого представления, которое у этнической общности складывается о мире, о Вселенной. Во-первых, картина не претендует на идентичность с реальностью; картина отражает последнюю, даже если она мыслится как в значительной мере трансцендентная. Во-вторых, картина предполагает обобщающий характер отражения. В-третьих, картина допускает, как весьма значимый, момент озарения, вдохновения. В-четвёртых, картина отражает реальность сквозь эмотивно-имагинативную призму; картина запечатлевает переживание реальности. Пока этнос жив, его картина мира постоянно «пишется», меняется под влиянием великого множества факторов, в том числе и социально-политического характера; однако в основных своих чертах она достаточно стабильна. В-пятых, наконец, картина, в отличие от живой реальности, доступна охвату и - что и требуется - анализу.

Заметим, что, например, этническая картина мира кажется доступной нашему обзору и тогда, когда самого этноса уже нет. Нет Шумера, древнего Египта, нет античных Греции и Рима, утасла - как целостная система - их культура. Однако фрагменты, сильно пострадавшие от времени, - всё то, в чём запечатлели себя мысль и чувства ушедших народов, включая сюда интеллектуальное наследство, мы собираем и стараемся сложить в картину. Метафора картины привлекательна, поскольку удобна, однако у неё есть существенный изъян: условность. Мы потому и говорим, что «стараясь сложить в картину» фрагменты унесённых временем культур, что это *нам* кажется, что у *них*, шумеров, тоже была некая картина мира, и вот теперь её можно попытаться реставрировать.

Мартин Хайдеггер очень убедительно объясняет, почему это не так. Для средневекового человека «быть» - значит *принадлежать* иерархии бытия, которое не мыслится как предметно противопоставленное человеку, поступившее в сферу его компетенции и только потому существующее [Хайдеггер, 1993, с. 50]. Тем более метафора картины, наблюдаемой человеком, не годится для греков: здесь «скорее сущее глядит на человека, раскрывая себя и собирая его для пребывания в себе. Быть под взглядом сущего захваченным и поглощенным его открытостью и тем зависеть от него, быть в вихре его противоречий и носить печать его раскола - вот существо человека в великое греческое время. (...) А... если для Платона существо сущего определяется как *эйдос* (вид, облик), то это очень рано посланная, издали потаенно и опосредованно правящая предпосылка того, что миру предстоит стать картиной» [Там же]. Понятие картины мира, по мысли философа, могло возникнуть только в Новое время и отражает лишь свойственное этому историческому отрезку представление человека о себе: «мы составили себе картину чего-то», то есть мы поняли это как систему. «В этом «составить картину» звучит компетентность, оснащённость, целенаправленность» [Там же, с. 49]. Мы знаем, что познаём, и знаем, как это познать; уверенность раздвигает рамки познаваемого, и вот уже не картина изображает мир, а мир *понят*, как картина. Мир отныне *предоставлен* человеку, который от себя и по себе интерпретирует сущее: является на сцену неведомый грекам гуманизм как «этико-эстетическая антропология».

Только с конца XVIII века в европейские языки входит понятие «мировоззрение», но не в смысле бездеятельного созерцания, а в плане определения мировоззренческой позиции - позиции человека как точки отсчёта. Отсюда, с этой точки, человеку видно, сколь тёмным было средневековье, и сколь абсурден католицизм (Хайдеггер говорит только о Европе и европейской философии; цитируемый доклад впервые прозвучал в 1938 г., что важно в плане соотношения с историческим фоном). Логика процесса неизбежно приводит к тому, что картина начинает осмысливаться как «конструкт опредмечивающего представления», и «человек борется здесь за позицию такого сущего, которое всему сущему задает меру и предписывает норму»; эта позиция, в свою очередь, обеспечивается, структурируется и выражается как мировоззрение, или - новоевропейское отношение к сущему [Там же, с. 52]. Отсюда прямо следует мысль о конкуренции мировоззрений, конструирующих картины мира с точки зрения их адекватности тем или иным практическим целям человека.

Эвристические возможности, открытые такой постановкой вопроса перед науками, безбрежны. И не только перед науками: если человек оказывается в центре создаваемой им картины мира, то и вся структура общества, вся социальная деятельность, включая языковое поведение и языковую политику, перестраивается под личность. При этом личность, - замечает М. С. Степанов, - понимается как физически существующий человек, и принимается за аксиому: 1) то, что человек значим сам по себе, в аспекте своего существования, а не в том, какое содержание имеет его личность; 2) то, что человек декларируется как субъект, но не имеет субъективности - всё субъективное в человеке понимается как объективное и внеположенное ему. «На смену концепции ценности личности в её целостности, в парадигме Новейшего времени приходит концепция значимости личности, в аспекте её ценности. Единственной ценностью для личности становится осознание собственной значимости» [Степанов, 2008, с. 52-53]

Если мы хотим говорить о картине мира как термине, и принимаем комментарии М. Хайдеггера относительно соотносимости этого понятия с конкретным временем и местом, то мы должны признать, что этот термин не есть автономное понятие, но предполагает для себя в пару «личность» соответствующего типа, занимающую особого рода мировоззренческую позицию относительно этой картины мира. И тогда мы должны определить пределы, в которых использование этого термина возможно.

Во-первых, термин, по праву первородства, может примениться без ограничений по отношению к любой европейской этнической картине мира. Во-вторых, по отношению к российским реалиям термин может применяться с большой долей условности, именно как удобная и общепринятая метафора (типа «солнечный ветер»). Она, конечно, отражает когнитивные доминанты эпохи, но при этом не учитывает поправки на традиционные онтологизм и созерцательность русской мысли.

Вот, например, Н. В. Уфимцева на основании анализа данных РАС приходит к важному для нас выводу, что языковое сознание современных русских имеет в своём центре слово «человек». Это соответствует приоритету, отмеченному Т. И. Вендиной применительно к языковому сознанию носителей старославянского языка, которое сосредоточено на человеке, социальной и духовной личности, оставляя в стороне его физическую природу. При этом слово «личность» отсутствует в языковом сознании носителей старославянского и древнерусского языков, и в РАС в качестве реакции на стимул «человек» представлено более чем скромно [Уфимцева, 2005, с. 206-207].

Это очень логично: центральное положение человека в тварном мире и следующая из него высокая ценность человека - одно из основных положений Православия; но для Православия человек ценен не постольку, поскольку он является физически существующей единицей, а как разумное и духовно-нравственное существо. Иными словами, внутреннее содержание человека - в виду предстоящей ему перспективы вечности - всегда было важнее факта физического существования личности во времени. С другой стороны, личность как отдельно взятая человеческая единица такой ценностью никогда не обладала; Н. В. Уфимцева цитирует труд К. Касьяновой о русском национальном характере: «Чтобы стать личностью, самостоятельной относительно космоса, мы должны стать соборной личностью» [Там же, с. 208].

Добавим, что в таком осмыслении понятия «личность» могла сыграть свою роль семантика церковнославянского слова *лик* (χορός) 'собрание поющих и пляшущих; сонм': *ликъ ангельскій* 'собрание ангелов одного достоинства и названия'; *лика мрачна родоначальника исхитити* 'чтобы освободить родоначальника нашего от мрачного сонма' [ПШС, с. 283]. Это - внутренняя форма и, как следствие, имплицитно присутствующий смысл русских производных, например: быть приличным - значит находиться в согласии с другими, с сонмом.

Русский дублет «лик» 'хор, хоровод, единое множество = сонм': *оба лики, сошедшиися, поють катавасію* [Даль, т. 2, с. 650] сегодня имеет помету *устаревшее* и известно, пожалуй, только в составе выражения *причислить к лику святых* [ТСРЯ, 1992, с. 334]; при этом сохранившаяся производная форма «ликование» сохраняет в себе ту же энергию: в одиночку радуются, но ликуют только вместе - *народное ликование*. Россия и в Новое, и в Новейшее время живёт, в значительной мере погружённая в поток бытия и осознанно зависящая от него, что переживается не без проблем, но и без очевидной альтернативы. Если судить по толковым словарям, «личность» нами понимается как носитель определённых свойств, качеств, социальных и субъективных признаков, которые и существуют-то не сами по себе, а только в глазах других членов общества или на фоне определённых времени, места, обстоятельств: *историческая личность, роль личности в истории, светлая личность, подозрительная личность, установить личность* [Там же, с. 338; ТСРЯ, 2007, с. 384].

Такое вот получается рассогласование с новоевропейской личностью, понимаемой как отдельное человеческое существо в аспекте физического существования, значимого как таковое и осмысленного как абсолютная ценность по отношению ко всем другим ценностям. Заметим: М. С. Степанов полагает, что именно такая интерпретация личности обыгрывается в рекламе: «ведь я этого достойна» - только потому, что я - это я [Степанов, 2008, с. 52]; и ещё заметим попутно, что на деле выходит парадокс: «я этого достойна», а не «это достойно меня». Личности такого типа, т.е. личности, которая бы не просто определяла свою мировоззренческую позицию по отношению к картине мира, но определяла бы её именно как точку отсчёта, меру вещей и норму, - у нас (пока) не сложилось. Поэтому логично, что применительно к России термином «картина мира» мы и можем пользоваться лишь как метафорой, облегчающей логические процедуры.

Имплицитно идея «мы» доминирует в дефинициях, которые картине мира дают отечественные исследователи. Так, С. Ю. Головин подразумевает под картиной мира единую когнитивную ориентацию общества; невербализованное, имплицитное выражение понимания членами общества, в том числе этнической общности, «правил жизни», диктуемых социальными, природными и сверхъестественными силами. Иными словами, это свод основных допущений и предположений, обычно не осознаваемых и не обсуждаемых, но направляющих и структурирующих поведение представителей данной общности; для сравнения С. Ю. Головин приводит грамматические правила, неосознаваемые большинством людей, но структурирующие и направляющие лингвистическое поведение. Картина мира исследуется через понятия ценности и ценностной ориентации; под ценностью в этом контексте понимается серия предположений о мире, стимулирующая и регулирующая тип поведения. Эта серия предположений, - указывает далее Головин, - хотя и не обязательно осознаётся и вербализуется всеми членами общества, может быть, тем не менее, выделена путём анализа [Головин, 2005, с. 271].

В заключение заметим, что картина мира потому и определяется как преимущественно имплицитная, что она стереоскопична и интегральна: в ней сочетается сенсительное, интеллибельное и интуитивное; кроме того, «сейчас», данное в непосредственном переживании и ощущении, дано не само по себе, но непременно на фоне избирательно действующей исторической памяти. Память же запечатлена далеко не только в слове: опыт исторического пути народа вычерчивает контуры национального характера и в нём себя запечатлевает.

Список литературы

- Головин С. Ю. Словарь психолога-практика. Мн.: Харвест, 2005. 2-е изд., перераб. и доп. 976 с.
- Красных В. В. Система координат лингвокультуры сквозь призму Homo Loquens // Язык. Сознание. Культура: сборник статей / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.-Калуга: ИП Кошелев А. Б. (Издательство «Эйдос»), 2005.
- Лотман Ю. М. Воспитание души: научное издание. СПб.: Искусство-СПб., 2005. 624 с.
- Степанов М. С. Реконструкция ситуации возникновения теории коммуникации: к постановке проблемы // Внутренний мир и бытие языка: процессы и формы: материалы II Межвузовской научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации / под ред. Н. В. Иванова. М.: ЗАО «Книга и бизнес», 2008.
- Уфимцева Н. В. Археология языкового сознания: первые результаты // Язык. Сознание. Культура: сб. статей / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.-Калуга: ИП Кошелев А. Б. (Издательство «Эйдос»), 2005.
- Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.

Список словарей

- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений. М.: Азъ Ltd., 1992. 960 с.
- Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений) / сост. священник-магистр Г. Дьяченко. М.: Издательство «Отчий дом», 2005. 1120 с.
- Толковый словарь русского языка: ок. 30 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Астрель; АСТ-Хранитель, 2007.

**TO THE PROBLEM OF THE VALIDITY LIMITS OF THE TERM:
A LOOK AT THE "PICTURE OF THE WORLD"****Chaginskaya E. A.**

*Department of Philology Theory
Moscow State Linguistic University
melemma@inbox.ru*

Abstract. In publications on linguistics, pedagogics and the wide problematics of intercultural communication the term "picture of the world" is used very frequently today and, in the opinion of the author of the article, not always successfully. The problem is that any term arises in the concrete sociohistorical context, and the "author" of the term may represent only one of the directions of the development of scientific thought. Even if the term which came into scientific use, seems to be successful for the description of the realities peculiar to one time and one place, the opportunity of its application to the realities of other time and other place needs to be proved. Automatism or apriority in the application of term can cause the deformed conception of the object being researched.

Key words and phrases: term "picture of the world"; sociohistorical context; direction of development of scientific thought; application of term.

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ БЕЛОГО ЛИСТА В РАССКАЗАХ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ**Шахова Л. А.**

*Кафедра русской филологии
Тамбовский государственный технический университет
postmaster@kafruss.tstu.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена современной литературе в ее ярком проявлении, именуемом «женской прозой». Рассматриваются проблемы интертекстуальности и феномен прецедентности на примере одного из лучших рассказов Татьяны Толстой, выявляются особенности поэтики и трансформации прецедентных феноменов.

Ключевые слова и фразы: современная литература; «женская проза»; интертекстуальность; прецедентность; поэтика; трансформация прецедентных феноменов.